



**Хранитель. Книга 6.  
Февраль 1917. Персидский  
поход. Григорий Семенов**

**Чеслава Тэйваз**

**18+**

Чеслава Тэйваз

**Хранитель. Книга 6.  
Февраль 1917. Персидский  
поход. Григорий Семенов**

«Автор»

2026

## **Тэйваз Ч.**

Хранитель. Книга 6. Февраль 1917. Персидский поход. Григорий Семенов / Ч. Тэйваз — «Автор», 2026

- Господа! – прохрипел Константин Глобачев - Вчера Император Николай II ОТРЕКСЯ ОТ ПРЕСТОЛА ... Король умер!... Да здравствует король! - Думаю, нам не надо представляться, Роман Федорович, - сказал Григорий Семенов. - Заочно мы знакомы по Нерчинскому полку. - Роман Федорович, принимай юнцов в обучение. - напутствовал меня командир полка. -У тебя ведь есть опыт общения с молодежью. Эти мальчишки, аширетные горцы. У них в крови, как вулкан, «бурлит» тестостерон. Удачи тебе...- Григорий Михайлович, я вижу на Вас новые погоны.- Да.- ответил он, подбоченившись. Теперь я, как и ты, ЕСАУЛ!...Сходство описанных событий с реальными, а персонажей с историческими лицами - случайны.

# **Чеслава Тэйваз**

## **Хранитель. Книга 6. Февраль 1917.**

### **Персидский поход. Григорий Семенов**

#### **Глава 1**

В середине января 1917 года в Петрограде начала работать «Петроградская конференция представителей стран Антанты». Ее повестка дня касалась перспектив сотрудничества членов этого альянса: России, Великобритании, Франции и Италии, - в военной компании наступившего года.

Однако, еще до начала работы, итоги Конференции были уже predetermined. До отъезда в Россию, представители делегаций союзников ознакомились, из «достоверных» британских источников, с документами, содержащими декларации думских оппозиционных фракций, письмами и заявлениями лидеров партии «Союз 17 октября» (Октябристов) Михаила Родзянко и Либеральной республиканской партии Александра Гучкова, донесениями британского посла в Петрограде Джорджа Бьюкенена и британских консулов в Таганроге, Николаеве, Одессе и Владивостоке - о нестабильной политической обстановке в стране и возможности свершения «дворцовой революции», то есть «дворцового государственного переворота».

Но всех перечисленных «воинствующих» оппозиционеров превзошел Председатель Всероссийского Земского союза князь Георгий Львов. Он публично вручил Лорду Альфреду Милнеру, возглавлявшему на конференции «штатскую часть» британской делегации, свое заявление, в котором утверждал, что если Император в течение трех недель не проведет конституционной реформы, то произойдет революция.

Итогом этой «полулегальной» информационной войны между царствующим Императором Николаем II и аристократами - «национальными патриотами» - оппозиционерами явился: Указ от 25 февраля 1917 года «О прекращении официальных заседаний IV Государственной Думы», изданный сразу после окончания Петроградской конференции, то есть Дума официально была распущена.

С последствиями этой политической неразберихи и «оппозиционного думского предательства», мне, подданному Российской империи, офицеру, пришлось «столкнуться» уже в отпуске, в который я направился в 20-х числах февраля 1917 года после получения Приказа об исключении из списков 1-ого Нерчинского казачьего полка Уссурийской конной дивизии, чтобы провести его со своими родными в Ревеле перед отправлением к новому месту службы.

#### **Глава 2**

Я прибыл в Петроград поездом. Город встретил меня сильным морозом, шквальным ветром с Финского залива, и грязными захламленными улицами. Через привокзальную площадь двигалась толпа, смутно напоминавшая демонстрацию, в шеренгах которой я смог различить куртки рабочих, тужурки студентов, шинели солдат и бушлаты матросов. Над площадью растилась сивушная пелена. Раскрасневшиеся пьяные лица орали: «Хлеба!», «Долой голод!», «Долой войну!». Жандармов нигде не было видно. Мне, непривыкшему к подобным зрелищам, стало не по себе. На вокзале было не протолкнуться. Толпы людей, с чемоданами, тюками и мешками сновали по платформе, стараясь сбить друг друга с ног. Надо было срочно искать «убежище» до отъезда в Ревель. Перебирая в памяти имена родственников и знакомых, живших до войны в Петрограде, у которых можно остановиться, я отбросил все, кроме одного, дядюшки Льва Яковлевича Штейнберг.

Поймав на привокзальной площади извозчика, я отправился на Лиговский проспект. Однако, швейцар, встретивший меня в парадном подъезде, заявил:

- Господин! Профессор Штейнберг с сыном уже с полгода как уехали-с в Финляндию. А ключ от квартиры мне -консьержу не оставили.

- Куда ж податься?- с горечью думал я.

И тут вспомнил о своем пребывании с дядей Эрнстом в «Гостевом доме» Петроградского охранного отделения жандармерии - Доходном доме Перцова, который располагался там же на Лиговском проспекте недалеко от дома дяди.

Вот и знакомое здание. Что ж, долой все предубеждения и предрассудки Кодекса воинской чести! Я взялся за ручку двери, но не успел ее открыть, как внезапно дверь распахнулась, и на меня налетел высокий мужик в гражданском пальто, кутавшийся в широкий вязаный шарф, закрывавший до глаз его лицо.

- Прочь с дороги! – завопил мужик.

Шарф сполз с его лица.

- Константин Иванович! Это я, Роман Унгерн-Штернберг! Вы помните меня?

- Господи! Роман! Что Вы здесь делаете?- он схватил меня за плечи, встряхнул и от неожиданного узнавания брови Глобачева полезли вверх.

- Я в Петрограде проездом, еду в Ревель, в отпуск. В конце марта должен явиться на Кавказ, к новому месту службы, в Экспедиционный кавалерийский корпус генерала Баратова. Константин Иванович, нельзя ли снять номер в Вашем «Гостевом доме»? Мой поезд в Ревель только послезавтра.

- Роман, в «Гостевом доме» оставаться опасно. В городе уже третий день Всеобщая забастовка. Все жандармские отделения распущены. Многие служивые искалечены или убиты. А вместо городских и околоточных, улицы города патрулируют «Отряды рабочей милиции» - гражданские, не имеющие ни знаний, ни опыта. Утром агенты мне сообщили, что восстали солдаты лейб-гвардии Волынского, Литовского и Преображенского полков. Восставшие заняли ключевые объекты: арсенал, почтамт, телеграф, вокзалы, мосты. Старые государственные структуры приказали «долго жить», а вместо них в городе «Двоевластие»: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет) и Временное Правительство.

- Так куда же мне податься? Может на вокзал? В толпе легче «раствориться»...

- Роман, тебе ни на вокзал, ни в гостиницу, ни в ресторан в офицерском мундире нельзя - опасно. В Петросовете одни нижние чины, а мы, офицеры, у них, «мишень» номер один - «Убьют, не заворачиваясь». Самый близкий, неизвестный даже моим подчиненным, «схрон» для тебя и меня - это квартира твоего дядюшки Льва Яковлевича Штейнберга.

- Константин Иванович, перед тем, как идти сюда, в Ваш «Гостевой дом», я заходил по его адресу. Однако, швейцар, встретивший меня в парадном, сказал, что дядюшка с сыном уже полгода как уехали в Финляндию. А ключа от квартиры консьержу не оставили.

- Ха-Ха-Ха...узнаю своего «Стража»...Пойдем-пойдем... Ключи у него найдутся...

- А «Страж» не сдаст нас «рабочей милиции»?

- Не бойся. - Глобачев хитро прищурился. - Он мой родственник, Ротмистр Лигов.

- Константин Иванович, я помню, ротмистра Лигова, но он не был стариком...

- Так он в гриме...Хороший актер...- рассмеялся Глобачев.

- Хороший... - задумавшись, поддержал его я.

### Глава 3

В квартире дядюшки было тихо. Окна завешены тяжелыми бархатными шторами. На мебель надеты серые льняные чехлы. Пыли практически нигде не было видно, - значит, квартира обитаема. Сняв верхнюю одежду, мы прошли в гостиную. Лигов, не снимая театрального реквизита – костюма швейцара и не смывая грим, растопил камин, быстро засервировал стол, расставив чайную посуду. Подал к столу нарезанный хлеб, перловую кашу с овощами и мед в креманках. В чашках дымился горячий травяной звар. В ванной мы умылись холодной водой,

которая, к счастью, еще не была отключена, расселись за столом и перекусили. От усталости, меня потянуло в сон.

- Располагайтесь здесь, в гостиной. – услужливо произнес Лигов. - Это самая теплая комната. Лев Яковлевич, когда уезжал, то передал Константину Ивановичу ключи от квартиры и разрешил пользоваться ею и хозяйственной утварью.

Глобачев, сидевший в огромном старинном кресле, перед камином, склонил голову на грудь и сразу захрапел. Я улегся на диване, не раздеваясь, закрыл глаза, почувствовал, что меня укрыли одеялом, а потом наступила темнота...

Проснулся я от громких хлопков выстрелов за окном. В гостиной никого не было. Дрова в камине давно прогорели, и в комнате было прохладно. Натянув сапоги, стараясь двигаться как можно тише, я направился в прихожую. Приоткрыв входную дверь, услышал надтреснутый голос швейцара -«старика» Лигова:

- Господа, еще раз повторяю: никакого начальника охраны здесь нет. Я здесь служу без малого тридцать лет, знаю хозяев в лицо, неотлучно нахожусь на посту консьержа, замены у меня нет, идти мне некуда. И я не хочу, на старости лет, потерять это место работы.

- Где ключи от квартир? – раздался визгливый женский голосок. - На доске их нет.

- Госпожа, ключи у хозяев, а они разъехались. Последним, не так давно, уехал бывший сахалинский ссыльный и «государственный преступник» профессор Штернберг с малолетним сыном.

- Слышали о таком... И вообще, я не Госпожа, а Товарищ! Запомни на будущее...

На улице вновь прозвучали выстрелы.

- Товарищи! –раздался грубый мужской голос. - Там Вашего водителя убили!

- Хорошо, старик! – голос женщины зазвенел как надтреснутый колокольчик. - Продолжай нести службу! Мы еще встретимся.

Дверь в парадную с грохотом захлопнулась. Заурчал мотор отъезжавшей машины. Я приоткрыл пошире входную дверь в квартиру и, продолжая держать в руке пистолет, со вздохом опустился на стул.

- Роман Федорович, - услышал я «нормальный» голос Лигова, входившего в прихожую, - как Вы?

- Я в порядке... А Константин Иванович...

Лигов перебил меня:

- Он ушел на рассвете и попросил меня привести Вашу внешность в соответствующий для сегодняшней ситуации вид.

- И какую «личину» Вы мне предложите?

- ПЕРВЫЙ вариант - простого казака, возвращающегося после ранения из госпиталя в часть, в Ревель. Думаю, Вам несложно будет «перевоплотиться» в одного из своих подчиненных, Илью Курбанова или Андрея Пахомова.

- Откуда Вам известны их имена?

- Роман Федорович, не буду лукавить – из Вашего Досье. Тем более, казак Пахомов действительно после тяжелого ранения находился на излечении в «Лазарете Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича» в Зимнем дворце, и три дня назад был выписан. Пахомов демобилизован из армии по ранению. Это несложно проверить. Если будет необходимо, - документы на его имя сегодня вечером Вам принесут.

Есть ВТОРОЙ вариант: переодеть Вас в штатское платье, но не франта, а приказчика, приехавшего из Сибири. Документы также будут на имя Пахомова. Что Вы выберете? Прошу Вас дать ответ сейчас, так как в пределах получаса подойдет человек, которому я должен сообщить Ваш выбор.

- Меня устроит ВТОРОЙ вариант. В Петрограде я проездом, еду в Ревель из Николаевска-на-Амуре. Те места мне хорошо знакомы по службе. Направлен по заданию Товарищества «Добровольный флот» для изучения возможности провоза рыбопродукции из кеты и горбуши по железной дороге для сбыта на рынках, в центральных районах России, пока на поставки еще действует пониженный тариф, 25 процентов, за провоз. Конечной целью моей поездки определен Ревель. В нем, я должен найти поставщиков оборудования, из «союзников», для строящегося рыбоконсервного завода в Николаевске. Имеющийся на Камчатке и действующий с довоенного 1910 года единственный рыбоконсервный завод фирмы «Демон» оснащен производственными линиями, закупленными в Германии. А сейчас идет война, и необходимо найти новых партнеров, чтобы закончить оснащение строящегося завода. Вот такая «ЛЕГЕНДА». Устроит ли она господ-товарищей?

- Роман Федорович, я записал основные моменты Вашей Легенды. Все передам по назначению. Не подскажите, в котором часу завтра отходит Ваш поезд с Варшавского вокзала?

- Согласно билету, отправление в 21 час 30 минут.

- Позвольте записать данные Вашего билета.

- Пожалуйста, - я протянул ему билет.

- Спасибо.

#### **Глава 4**

Следующее утро началось с суматохи. Около 10 часов утра Лигов передал мне темно-синий костюм-тройку, белую рубашку и черные кожаные полусапожки на меху. Шинель заменило черное драповое полупальто с воротником из каракуля, а вместо папахи – шапка-пирожок также из каракуля. На удивление все подошло, как будто шили для меня.

- Это что, театральный реквизит?

- Считайте, что так... И еще... для убедительности легенды... Вот Вам в дорогу... два «хвоста» соленой горбуши и две кеты холодного копчения. Не бойтесь, они небольшие и хорошо упакованы.

- Сколько я Вам должен?

- Роман Федорович, денег с Вас мы с Константином Ивановичем не возьмем, а вот услугой...

- Все, что в моих силах...

- Нам необходимо приютить на некоторое время в Ревеле одного человека –нашего агента -мужчину.

- Постараюсь Вам в этом помочь. А где я с ним встречу и как узнаю, что это именно он.

- Не волнуйтесь. Он узнает Вас сам и скажет, что Он от «Лигова».

- Хорошо, – и мы рассмеялись.

Около 18 часов принесли документы на имя Пахомова Романа Федоровича с моей фотографией времен выпуска из училища, но не в форме Хорунжего, а в цивильном пиджаке и белой рубашке. Я, Алекс Ветров, а не только Роман Унгерн-Штернберг, был поражен искусной работе фотографов Охранного жандармского отделения по «обработке» снимка в стиле «фото-шоп», поскольку компьютеров в то время еще не придумали...

В быстро сгустившихся сумерках «служебная» пролетка домчала меня без приключений до Варшавского вокзала за полчаса до отправления поезда. Я «погрузился» в свое купе, положил на столик купленные на перроне, у мальчишек-разносчиков, газеты: «Правительственный вестник», «Русское слово», популярное бульварное издание «Копейка», - и начал их просматривать. А в душе все не унималась тревога:

- Что за агент придет от Лигова? Смогу ли оказать ему услугу, равную той, что оказали мне?

Где-то минуты за три до отправления, дверь в купе отворилась, и вошел человек, кутавшийся в большой вязанный шарф. Он бережно закрыл за собой дверь, присел, не раздеваясь, напротив меня на нижнюю полку, и я услышал знакомый голос:

- Добрый вечер, Роман Федорович! Я от Лигова...

Все мои страхи сразу рассеялись.

- Добрый вечер, Константин Иванович! Здравствуйте, уважаемый Агент!... Рад Вас видеть в полном здравии! Надеюсь быть полезным, во время Вашего пребывания в Эстонии, в период моего отпуска.

- Благодарен, Роман Федорович, за понимание.

Поезд тронулся, и я, с тревожным чувством, стал ожидать встречи с домом, в котором не был три года.

## **Глава 5**

2 марта 1917 года, ближе к полудню, поезд прибыл в Ревель. В отличие от Петрограда, привокзальная площадь и прилегавшие к ней улицы города были немногочисленными и чистыми от мусора. Вот и дом Отчима. Нас встретил мой младший брат, Константин, демобилизованный по ранению из армии, работавший, как и до войны, инженером-путейцем на Николаевской железной дороге и, по-прежнему, бывший холостяком. Готовкой еды и уборкой в доме занимались две приходившие женщины: кухарка Марта и горничная Агата.

- Господа, - обратился я к обоим Константинам. - Как мне обращаться к Вам двоим, чтобы не перепутать? Константин Иванович, Вы не против, если при нашем неофициальном общении, я буду называть Вас по Отчеству – Иванович.

- Я не возражаю, - рассмеялся Глобачев, - тем более я старше каждого из Вас, но на три года моложе вашего дядюшки Эрнста.

Глобачев быстро влился в наш мужской семейный коллектив. За ужином он весело рассказывал скабрёзные мужские анекдоты и даже помог брату вытирать вымытую тем посуду. Мне этот «процесс» не доверили, так как первая переданная братом мокрая тарелка, - одна, из нескольких, «по мановению палочки» выскользнула из моих рук на пол и, конечно, разбилась.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.